

Е.С. РОМАНЧУК

аспирантка, младший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ТРЕНДЫ И РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

В статье на основе анализа внешнеэкономических связей России с Узбекистаном выявлена асимметричность в экономическом сотрудничестве двух государств, проявляющаяся в большой зависимости центральноазиатской республики от нашей страны, особенно в вопросах преодоления проблем бедности и снижения давления на внутренний рынок трудовых ресурсов. С учетом этого проведена оценка влияния антиросийской санкционной политики на динамику двустороннего взаимодействия России и Узбекистана и дана оценка возможных последствий санкционного давления на нашу страну для экономики центральноазиатской республики.

Ключевые слова: Узбекистан, торгово-инвестиционное сотрудничество, санкции, уровень безработицы.

УДК: 339.5, 339.9

EDN: ZALGMW

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_3_151_176

В последнее время наблюдается активизация сотрудничества России с Узбекистаном, начало чему было положено в апреле 2013 г. подписанием правительствами двух стран Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций¹. Затем был принят целый ряд важных документов, включая Соглашение об урегулировании взаимных финансовых требований и обязательств, в соответствии с которым было списано около 95% суммы основного долга Республики Узбекистан, составившего на конец 2014 г. \$889,3 млн. Подписание указанного документа сняло фактический запрет, закрепленный в бюджет-

---

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о поощрении и взаимной защите инвестиций (подписано в г. Москва 15 апреля 2013 г.; ратифицировано Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 394-ФЗ). http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102170382 (дата обращения 01.06.2023).

ном законодательстве Российской Федерации, на развитие кредитно-финансового сотрудничества с республикой. На протяжении 2016–2019 гг. Россия оказывала Узбекистану официальную помощь в его экономическом развитии [1], а в 2019–2021 гг. предоставляла узбекской стороне кредиты, общая сумма которых составила \$260 млн².

Среди наиболее значимых событий в рамках развития двустороннего сотрудничества России и Узбекистана в последние годы стало подписание в конце 2017 г. «дорожной карты» с перечнем из более сотни перспективных совместных проектов³, было расширено взаимодействие национальных операторов энергосетей⁴ и достигнуты договоренности о строительстве компанией «Росатом» атомной электростанции на территории республики⁵.

Несмотря на то, что потенциал и размер экономики Узбекистана и, как следствие, доля этой страны в мировом хозяйстве не сопоставимы с российскими, для нашей страны сотрудничество с этой центрально-азиатской республикой весьма значимо. Оно определяется территориальным расположением республики и масштабом ее влияния на социально-экономическое развитие данного региона в ходе выстраивания транспортно-логических маршрутов в направлении Южной Азии, а также реализации совместных инфраструктурных проектов. Поэтому в условиях усиления напряженности во взаимоотношениях с европейскими государствами и переориентацией российской внешней политики на Восток расширение взаимодействия с Узбекистаном стало для России приоритетной задачей.

В данной статье проведена оценка сформировавшихся трендов торгово-инвестиционного сотрудничества нашей страны с Республикой Узбекистан за последние два десятилетия, рассмотрено взаимодействие двух государств по вопросам трудовой миграции, а также перспективы и риски дальнейшего сотрудничества России и Узбекистана в условиях усиления геополитической напряженности в мире.

² 2022 International Debt Statistics // The World Bank. <https://datatopics.worldbank.org/debt/ids/countryanalytical/uzb/counterpartarea/087> (дата обращения 01.06.2023).

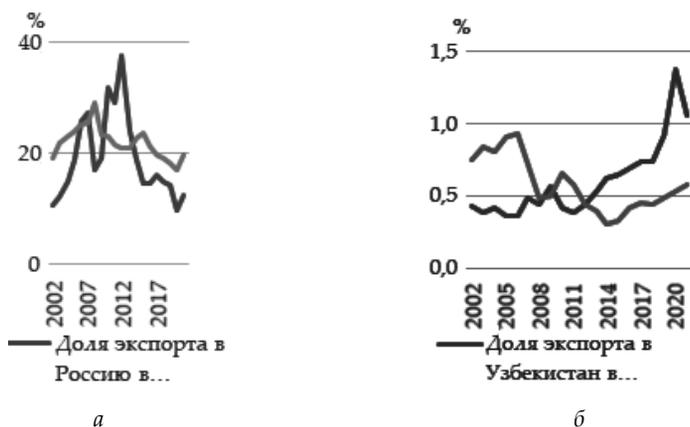
³ Сафаев рассказал о нерешенных вопросах при взаимодействии РФ и Узбекистана. Sputnik. Узбекистан. 07.11.2018. <https://uz.sputniknews.ru/20181107/Safaev-rasskazalo-nereshennykh-voprosakh-pri-vzaimodeystvii-RF-i-Uzbekistana-9896914.html> (дата обращения 01.06.2023).

⁴ Операторы электросетей Узбекистана и РФ подписали «дорожную карту» сотрудничества. Sputnik. Узбекистан. 05.06.2021. <https://uz.sputniknews.ru/20210605/operatory-elektrosetey-uzbekistana-i-rf-podpisali-dorojnyu-kartu-sotrudnichestva-19106558.html> (дата обращения 01.06.2023).

⁵ Росатом и Агентство «Узатом» подписали контракт в рамках проекта АЭС. Официальный сайт ГК «Росатом». 17.05.2019. <https://rosatom.ru/journalist/news/rosatom-i-agentstvo-uzatom-podpisali-kontrakt-v-ramkakh-proekta-aes/> (дата обращения 01.06.2019).

Двусторонняя торговля

Согласно данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике (далее – ГКС) и Федеральной таможенной службы, совокупный товарооборот между Узбекистаном и Россией в 2021 г. составлял \$7,56 млрд, увеличившись за 5 лет на 80%, при том что ввоз товаров из центральноазиатской республики в нашу страну вырос только на 16,3% при росте экспорта в 2,3 раза. В сравнении с общим снижением интенсивности товарооборота между двумя государствами, имевшим место в предшествующие годы, данное увеличение является незначительным. Так, например, доля России в совокупном экспорте Узбекистана в 2021 г. составляла 12,5%, тогда как в 2012 г. этот показатель достигал максимальных значений в 37,8%. Доля импорта в Россию из Узбекистана в 2021 г. не превышала 20%, при максимальном значении данного показателя в 29,3% в 2008 г. (рис. 1, а). Более того, так как торговля с Узбекистаном на протяжении последних 20 лет составляла не более 2% в совокупном товарообороте нашей страны, то рост доли импорта в центральноазиатскую республику до 1,4% (рис. 1, б) в 2020 г. можно рассматривать только как интенсификацию торгового взаимодействия.

Рассчитано автором по: UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2001–2005. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=217474> (дата обращения: 15.03.2023); UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2006–2010. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=217470> (дата обращения: 15.03.2023); UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2011–2015. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=217475> (дата обращения: 15.03.2023); UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2016–2021. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=217476> (дата обращения: 15.03.2023).

Рис. 1. а) доля России во внешнеторговых операциях Узбекистана; б) доля Узбекистана во внешнеторговых операциях России

Вместе с тем структура товарооборота между Узбекистаном и Россией стимулирует технологическое развитие нашей страны, позволяя российским компаниям расширять производство за счет освоения узбекского рынка. В экспорте из центральноазиатской республики преобладают сырьевые товары и товары низкотехнологичного производства (текстиль, одежда и обувь) (см. рис. 2), а в импорте – товары среднетехнологичного производства и в меньшей степени – продукция производства, основанного на переработке ресурсов (главным образом агропромышленные товары) (см. рис. 3).

С одной стороны, сложившаяся структура товарооборота отражает асимметрию в экономическом потенциале и размере экономик двух государств. С другой стороны, развитие сотрудничества Узбекистана с Россией в устоявшемся формате позволяет республике в ближайшей перспективе уменьшить возникшее в последние годы отрицательное сальдо по счету текущих операций за счет расширения присутствия узбекской низкотехнологичной продукции на российском рынке. По этой причине в 2021 г., после того, как узбекские производители из ряда областей страны столкнулись с запретом ввоза на территорию РФ их продукции из-за несоответствия фито-санитарным нормам⁶, правительством Республики была проведена работа по внедрению процедур, применяемых в практике Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в отношении сертификации и декларирования. Также были пересмотрены общие технические регламенты, для того чтобы адаптировать их к требованиям государств – участников ЕАЭС⁷.

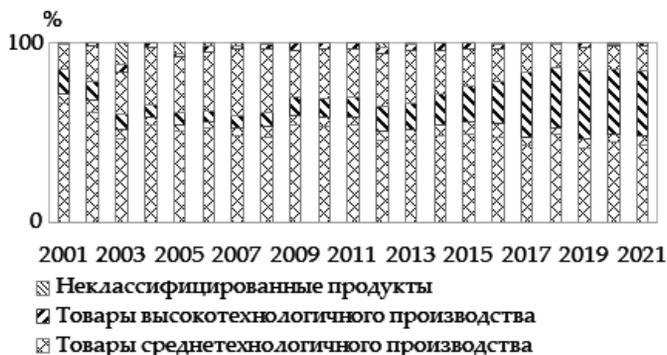
В феврале 2023 г. премьер-министр Республики Узбекистан А. Арипов заявил о завершении подготовительной работы по обеспечению гармонизации национальных технических регламентов с нормами ЕАЭС⁸. В дальнейшем руководством страны запланировано совершенствование технического регулирования и стандартизации для обеспечения беспрепятственного выхода узбекской продукции на рынки стран ЕАЭС⁹.

⁶ Россия отменила ограничение на ввоз овощей из Узбекистана. Газета.UZ. 05.03.2022. <https://www.gazeta.uz/ru/2022/03/05/tomatos/> (дата обращения: 15.03.2023).

⁷ Указ Президента Республики Узбекистан от 02.06.2021 г. № УП-6240 «О кардинальном совершенствовании государственного управления в области технического регулирования». <https://lex.uz/ru/docs/5443207> (дата обращения: 01.06.2023).

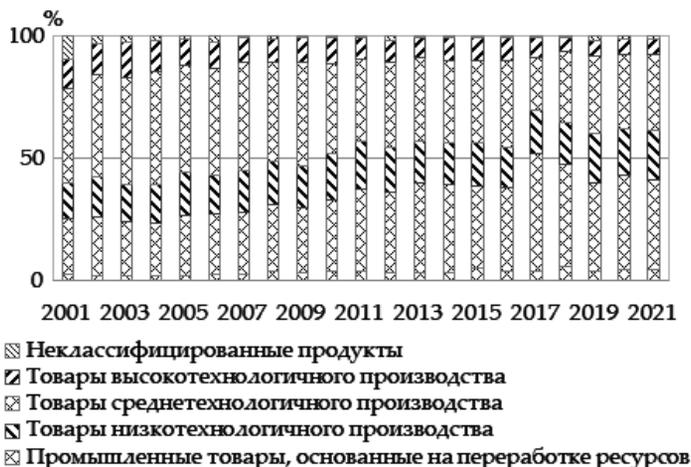
⁸ Узбекистан стремится к упрощению взаимных поставок со странами ЕАЭС. Газета.UZ. 03.02.2023. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/02/03/eaeu/> (дата обращения: 01.06.2023).

⁹ Указ Президента Республики Узбекистан от 28.01.2022 г. № УП-60 «О стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы». <https://lex.uz/ru/docs/5841077> (дата обращения: 20.01.2023).

Рассчитано автором по: UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2001–2005. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=217474> (дата обращения: 15.03.2023); UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2006–2010. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=217470> (дата обращения: 15.03.2023); UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2011–2015. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=217475> (дата обращения: 15.03.2023); UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2016–2021. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=217476> (дата обращения: 15.03.2023).

Рис. 2. Структура экспорта товаров из Узбекистана в Россию.

Рассчитано автором по: UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2001–2005. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=217474> (дата обращения: 15.03.2023); UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2006–2010. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=217470> (дата обращения: 15.03.2023); UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2011–2015. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=217475> (дата обращения: 15.03.2023); UNCTADSTAT. Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2016–2021. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=217476> (дата обращения: 15.03.2023).

Рис. 3. Структура импорта товаров из России в Узбекистан.

В итоге, по предварительным данным в 2022 г., структура товарооборота осталась неизменной при интенсификации торговли России с Узбекистаном. С огласно информации ГКС, доля торговли с Россией в общем внешнеторговом обороте страны составила 18,6%, или \$9,3 млрд¹⁰. При этом экспорт из республики в нашу страну вырос на 47% – до \$3,1 млрд, а импорт на 13,7% – до \$6,2 млрд¹¹. В Россию было ввезено более 42,5% экспортируемой Узбекистаном плодоовощной продукции на общую сумму около \$0,5 млрд и 39,8% текстильной продукции на сумму \$1,3 млрд¹².

Второе место после РФ по величине товарооборота с Узбекистаном занимает КНР, доля которой превысила 17%, но объемы импортных операций превысили показатель торговли с Россией, достигнув \$6,4 млрд. Около 40% китайского импорта пришлось на машины и транспортное оборудование и более 20% – на продукцию промышленного производства^{13, 14}. В то же время из России в Узбекистан ввезено 6,5% импортируемых в республику машин и транспортного оборудования на сумму \$0,6 млрд и 42,3% промышленной продукции на сумму \$2,4 млрд. Такая разница в уровне технологического оборудования, поставляемого в Узбекистан из России и КНР, свидетельствует об отставании промышленности нашей страны от конкурентов из Поднебесной.

Следует отметить, что введенные западными государствами в отношении российского банковского сектора санкции в части ограничения расчетов не так сильно повлияли на банковский сектор Республики

¹⁰ Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (предварительные данные за январь–декабрь 2022 г.). Официальный сайт Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан. <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/33840-o-zbekiston-respublikasi-tashqi-savdo-aylanmasi-2022-yil-yanvar-dekabr-3>. С. 2. (дата обращения: 20.01.2023).

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Там же. С. 20.

¹³ Наибольшую долю в импорте промышленных товаров в Узбекистан составляют чугун и сталь (43,5%), изделия из металла (12,7%), текстильная пряжа, ткани, готовые изделия (9,5%) и бумага (8,1%). Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (предварительные данные за январь–декабрь 2022 г.). Официальный сайт Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан. <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/33840-o-zbekiston-respublikasi-tashqi-savdo-aylanmasi-2022-yil-yanvar-dekabr-3> С. 34. (дата обращения: 20.01.2023).

¹⁴ Группировка ввозимых в Узбекистан товаров приведена в соответствии с информацией, представленной на официальном сайте Агентства статистики при Президенте республики Узбекистан. Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (предварительные данные за январь–декабрь 2022 г.). Официальный сайт Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан. <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/33840-o-zbekiston-respublikasi-tashqi-savdo-aylanmasi-2022-yil-yanvar-dekabr-3> (дата обращения: 20.01.2023).

Узбекистан, как это наблюдалось в Киргизии и Таджикистане. Это объяснялось тем, что только половина кредитных организаций республики имели корреспондентские счета в российских финансово-кредитных учреждениях [2]. В средствах массовой информации Узбекистана до настоящего времени сообщалось лишь о 13 случаях заморозки или конфискации банками США платежей компаний из республики¹⁵. Но сложности с проведением расчетов с иностранными контрагентами через российские банки вынудили компании из России пойти на релокацию бизнеса [3, с. 3]. В результате на начало 2023 г. в капитал более 3 тыс. предприятий (из 16 тыс. предприятий с иностранным капиталом, работающих на территории Республики Узбекистан) были вложены средства российских юридических и физических лиц¹⁶. Около тысячи предприятий было зарегистрировано в 2022 г.¹⁷

Частично нивелировать влияние санкций западных государств в отношении отдельных российских физических и юридических лиц на торговлю с Узбекистаном удалось за счет своевременно принятых руководством центральноазиатской республики мер поддержки национальных производителей. В частности, с марта и до конца 2022 г. было отменено взимание штрафов с компаний, работающих в России, Белоруссии и Украине, а также пролонгированы имеющиеся кредиты в размере 4 трлн сумов (352,3 млн долл.); продлены с шести месяцев до одного года таможенные преференции в отношении ввозимых для собственных нужд сырья, оборудования и запасных частей; выделено дополнительно 10 трлн сумов (\$880,8 млн долл.) на предоставление предприятиям «револьверных» кредитов с целью приобретения сырья и на пополнение оборотных средств¹⁸. Кроме того, для поддержки сельскохозяйственных предприятий и переработчиков, а также лиц, обеспечивающих хранение и экспорт плодоовощной продукции, из республиканского бюджета выделена ссуда Агентству по развитию садоводства и тепличного хозяйства Республики Узбекистан в размере 300 млрд сумов (\$26,4 млн) для предоставления льготных кредитов по

¹⁵ ЦБ сообщил о 13 случаях заморозки платежей узбекистанских компаний американскими банками. Газета.UZ. <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/21/freezing-of-accounts/> (дата обращения: 21.07.2022).

¹⁶ В Узбекистане больше всего предприятий с участием капитала из каких стран? / Официальный сайт Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан. <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/33448-o-zbekistonda-qaysi-davlatlarning-kapitali-ishitirokidagi-korxonalar-ko-proq-2> (дата обращения: 12.01.2023).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Инфографика: Меры поддержки экономики Узбекистана. Review.UZ. <https://review.uz/post/infografika-mer-podderjki-ekonomiki-uzbekistana> (дата обращения: 05.04.2022).

ставке 14% годовых¹⁹ при ключевой ставке Центрального банка Республики Узбекистан в 17% годовых.

Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день нарастание геополитической напряженности во всем мире несущественно отразилось на интенсивности двусторонней торговли России и Узбекистана, а также не привело к изменению ее структуры.

Инвестиционное взаимодействие

В середине 2022 г. эксперты ОЭСР отмечали, что вопреки их первоначальным прогнозам ВВП стран Центральной Азии, зависимый от макроэкономических показателей России, продолжил расти [2]. По итогам года ВВП Узбекистана вырос в реальном выражении на 5,7%²⁰. В то же время российская экономика, по предварительным оценкам, сократилась только на 2,5%, при отмечаемой руководством нашей страны положительной динамике во II полугодии²¹. Это позволяет сделать вывод об устойчивости в краткосрочной перспективе российской экономики и готовности узбекской экономики справиться с краткосрочными внешними шоками.

Вследствие незначительной зависимости экономики Узбекистана от притока иностранных инвестиций и небольшой интенсивности российско-узбекского инвестиционного сотрудничества усиление санкционного давления на Россию не привело к резкому сокращению взаимодействия двух стран в этой сфере. В период независимости прямые иностранные инвестиции (далее – ПИИ) в Узбекистан, согласно данным ЮНКТАД, только в 2019 г. превысили 4% ВВП (\$2,3 млрд). В среднем объем ПИИ не достигал 1,5% ВВП. На конец 2021 г. объем накопленных ПИИ в республику составил \$11,3 млрд. За период с 2007 г. по 2021 г., согласно данным Банка России, сальдо прямых инвестиций из России в Узбекистан²² только в 2008 г. превышало \$400 млн. В 2012–2018 гг.

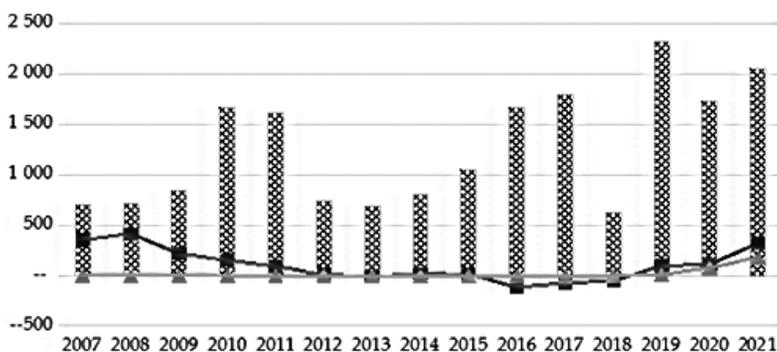
¹⁹ Постановление Президента Республики Узбекистан от 27.04.2022 г. № ПП-225 «О мерах по совершенствованию системы финансирования расходов на производство сельскохозяйственной продукции и ее закупок». Информационно-правовой ресурс Республики Узбекистан. <https://lex.uz/ru/docs/5984526> (дата обращения: 01.06.2023).

²⁰ Сколько составил ВВП Республики Узбекистан за 2022 год? Официальный сайт Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан. <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/34107-2022-yilda-o-zbekiston-respulikasi-yaim-qanchani-tashkil-etdi-2> (дата обращения: 27.01.2023.).

²¹ Путин сообщил, что ВВП РФ в 2022 году снизился на 2,5%. ИА «Интерфакс». <https://www.interfax.ru/business/881048> (дата обращения: 17.01.2023).

²² Согласно требованиям Международного валютного фонда по раскрытию информации Банк России публикует не общий объем поступивших из нашей страны в государство-контрагент, а сальдо двусторонних финансовых потоков.

сальдо было небольшим или отрицательным, достигая $-\$114$ млн. В то же время портфельные инвестиции из России в Узбекистан до 2015 г. направлялись в минимальном объеме – менее $\$1$ млн в год, но с 2019 г. их сальдо поступательно росло, превысив в 2021 г. $\$180$ млн (рис. 4).

Рассчитано автором по: данные ЮНТАД и Банк России. UNCTADSTAT. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=96740> (дата обращения: 15.03.2023). Банк России. Статистика внешнего сектора (Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж: Операции по инструментам и странам-партнерам). https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 15.03.2023).

Рис. 4. Объем инвестиций, поступивших в Узбекистан в 2007–2021 гг., включая средства из России (млн \$) (данные по портфельным инвестициям за 2016–2018 гг. скрыты).

Основными препятствиями для расширения кредитно-инвестиционного сотрудничества России и Узбекистана являются отсутствие в республике устоявшихся инструментов защиты прав иностранных инвесторов, а также сложности, наблюдавшиеся вплоть до 2017 г. с репатриацией полученной за счет деятельности на территории Узбекистана прибыли. Наиболее известными случаями, когда при ведении бизнеса в республике российские инвесторы несли существенные потери, стали национализация бизнеса российской компании «Вимп-Билль-Данн» [4] и выплата многомиллионных штрафов российскими телекоммуникационными компаниями «МТС» и «Вымпелком» на основании решения Комиссии по ценным бумагам и биржам США за использование коррупционных схем при работе на узбекском рынке²³.

Примечателен тот факт, что Государственный департамент США на своем сайте приводит данные о входящих и исходящих прямых иностранных инвестициях Узбекистана, которые превосходят приведенные выше данные ЮНТАД, а также показывают иную динамику

²³ VEON сообщила об окончании наблюдения SEC из-за «узбекского дела». Финам. <https://www.finam.ru/publications/item/veon-soobshila-ob-okonchanii-nablyudeniya-sec-iz-za-uzbekskogo-dela-20191101-094840/> (дата обращения: 01.11.2019).

инвестиционного сотрудничества России и Узбекистана. В частности, в 2021 г. суммы инвестиций, поступившие из центральноазиатской республики в Россию, в 6,6 раз превосходили объемы вложений из нашей страны в Узбекистан (табл. 1).

Таблица 1

Поступления ПИИ в Узбекистан и направления ПИИ из республики (основные страны)

Входящие ПИИ,			Исходящие ПИИ,		
	млн \$	%		млн \$	%
Всего	2 484	100	Всего	1 032	100
КНР	1 010	40,7	Россия	839	81,3
Нидерланды	324	13	Кипр	52	5
Республика Корея	267	10,8	Латвия	36	3,5
Турция	184	7,4	Соединенное Королевство	34	3,3
Россия	127	5,1	Азербайджан	17	1,6

Адаптировано автором по: данные Государственного департамента США. 2021 Investment Climate Statements: Uzbekistan. Official site of the U.S. Department of State. <https://www.state.gov/reports/2021-investment-climate-statements/uzbekistan> (дата обращения: 15.03.2023).

Поскольку указанные Государственным департаментом США данные не поддаются верификации, в том числе по причине отсутствия описания методологии их расчета, использование их в анализе российско-узбекского инвестиционного сотрудничества не представляется возможным. Однако показатели формируемой американским ведомством статистики инвестиционного сотрудничества Узбекистана с зарубежными государствами вынуждают более подробно рассмотреть отдельные сделки российских компаний.

В прессе мало упоминаний о конкретных сделках компаний из России и Узбекистана. Анализ тех сделок, которые освещаются средствами массовой информации, позволяет сделать вывод о том, что если на первый взгляд российско-узбекистанское сотрудничество кажется успешным, то при детальном рассмотрении обнаруживаются нюансы, свидетельствующие о невысокой рентабельности инвестиций российских предприятий в бизнес на территории республики. Так, например, в 2022 г. ПАО «Татнефть» выкупило у АО «Узкимёсаноат» 100% доли в компании ООО «Биринчи резинотехника заводи», специализирующейся на выпуске шин. Завод был построен китайскими компаниями «Poly Technologies» и «Linglong» на заемные деньги Эксимбанка КНР

и введен в эксплуатацию в 2018 г.²⁴ Сделка обошлась российской компании в \$80 млн с условием, что «Татнефть» возьмет на себя выплату долгов и иных обязательств завода на сумму \$153 млн²⁵. При этом некоторые члены парламента Республики Узбекистан отмечали неэффективность и непродуманность проекта по строительству завода²⁶. Это подтвердилось в 2020 г., когда завод не вышел на планируемую мощность в 40%, а производимая им продукция не находила спроса на внутреннем рынке из-за низкого качества²⁷. По этой причине окупаемость сделки по приобретению шинного завода в будущем не очевидна.

Расширение инвестиционного сотрудничества российских нефтегазовых компаний с компаниями, зарегистрированными в Узбекистане, встречает неоднозначную реакцию со стороны экспертного сообщества центральноазиатской республики. Так, предложение президента Российской Федерации В.В. Путина о создании тройственного газового союза с участием компаний из Казахстана и Узбекистана на первоначальном этапе не было поддержано главой Республики Узбекистан Ш. Мирзиёевым из-за опасений в передаче ПАО «Газпром» прав собственности на действующую газотранспортную систему Узбекистана. В ходе переговоров это условие, также как и предложение российской стороны сделать ПАО «Газпром» стороной соглашения в контрактах по экспорту газа в КНР вместо узбекской компании «УзГазТрейд», были сняты²⁸. В итоге, достигнутые Россией с Узбекистаном договоренности свелись к техническим вопросам, связанным с использованием мощностей газопровода «Средняя Азия – Центр» для транзита российского газа²⁹.

Учитывая описанный выше характер инвестиционного сотрудничества России с Узбекистаном, влияние внешних факторов на него не могло проявиться так явно, как в сфере торгового взаимодействия. Поэтому никаких существенных изменений, за исключением сохранения тенденций прошлых лет, пока не просматривается.

²⁴ Россия и Узбекистан подписали пакет договоров: подробности. Sputnik. Узбекистан. <https://dzen.ru/a/Y4nHlzYhon05zQDU> (дата обращения: 02.12.2022).

²⁵ Tatneft acquires Uzbek tire maker Birinchi. European Rubber Journal.. <https://www.european-rubber-journal.com/article/2092858/tatneft-acquires-uzbek-tire-maker-birinchi> (дата обращения: 10.02.2023).

²⁶ По делу шинного завода ведется следствие. Счетная палата. Газета.UZ. <https://www.gazeta.uz/ru/2021/04/08/tyre-investigation/> (дата обращения: 08.04.2021).

²⁷ «Татнефть» выкупает шинный завод в Узбекистане. Газета.UZ. <https://www.gazeta.uz/ru/2022/12/02/birinchi-rezinotexnika-zavodi/> (дата обращения: 02.12.2022).

²⁸ Узбекистан и «Газпром» подписали «дорожную карту» по сотрудничеству в газовой отрасли. Газета.UZ. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/01/24/gas/> (дата обращения: 24.01.2023).

²⁹ «Никаких угроз передачи кому-либо газотранспортной системы нет». Минэнерго Узбекистана. Газета.UZ. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/01/25/gas-statement/> (дата обращения: 25.01.2023).

Сотрудничество в сфере трудовой миграции

Несмотря на то, что санкционное давление на Россию сказалось на ее торгово-инвестиционном сотрудничестве с Узбекистаном незначительно, в силу асимметричной зависимости макроэкономических показателей центральноазиатской республики от развития экономики нашей страны, усиление геополитической напряженности в мире отразилось на благосостоянии граждан этой центральноазиатской республики. Однако за счет двух разнонаправленных тенденций ситуация в целом определялась преимущественно действиями руководства Узбекистана по снижению уровня бедности в стране.

В последнее время проблема инклюзивного развития экономики Узбекистана в вопросах проводимой внутренней политики вышла на первый план, поскольку, как отметили эксперты Всемирного банка в выпущенном в апреле 2022 г. отчете о состоянии экономики Узбекистана, экономический рост последних лет оказал малое влияние на благосостояние населения в целом [5, р. 6–7]. Центральной проблемой, от решения которой зависело определение дальнейших шагов правительства Республики Узбекистан на пути достижения инклюзивного экономического роста, стало изменение методики расчета количества бедного населения, позволившей бы достоверно определить долю населения, нуждающегося в помощи со стороны государства. Это изменение, с одной стороны, привело в 2021 г. к разноточению в данных ГКС: если на конец 2020 г. доля малообеспеченного населения была 11,5%, то в следующем году уровень бедности составил 17%³⁰. С другой стороны, только после старта реформ узбекской статистики в начале 2020-х годов стало возможным определить реальное финансовое состояние граждан Узбекистана и отслеживать динамику его изменения.

Согласно данным Всемирного банка, бедное население преимущественно проживает в сельской местности [5, р. 19–22]. Хотя многомерный индекс бедности для Узбекистана специалистами ООН не рассчитывается, авторские оценки, выполненные главным научным сотрудником Центра экономических исследований и реформ Института макроэкономических и региональных исследований и Б. Хамидовым, показали, что факторами, определяющими благосостояние населения, являются качество и уровень образования, наличие рабочих мест и жилищно-коммунальные условия проживания [6]. Так, например, в ряде областей страны доступ к качественной питьевой воде имеют

³⁰ Уровень жизни населения. Официальный сайт Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан. <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/living-standards> (дата обращения: 25.01.2023).

менее 60% населения, тогда как в отдельных районах этот показатель ниже 30%³¹.

Необходимым условием снижения уровня бедности и сглаживания неравенства в доходах населения Узбекистана является сдерживание инфляционных процессов, в особенности ограничение роста цен на продукты питания. По расчетам экспертов Международного валютного фонда, доля продуктов питания в самом низком дециле распределения доходов в республике составляет порядка 50%, а доля продуктов питания в самом высоком – чуть более 40% [7, р. 38]. По мнению экспертов ООН, нарушение работы мировых энергетических и продовольственных рынков, подобное тому, которое случилось в первой половине 2022 г., наряду со сбоями в цепочках поставок оказывает «немедленное и разрушительное» воздействие на благосостояние домашних хозяйств страны [8, р. 7].

В апреле 2022 г. на фоне роста инфляционных ожиданий Центральный банк Республики Узбекистан был вынужден повысить ключевую ставку до 17%³². К концу года за счет снижения совокупного спроса и экономической активности цены на энергоресурсы, продукты питания и другие сырьевые товары начали снижаться. В итоге за год инфляция составила 12,3% при долгосрочном целевом ориентире в 5%³³. В следующем году регулятор ожидает инфляцию в диапазоне 8,5–9,5%, но вероятность ее достижения наряду с возможностью сохранения темпов роста экономики будет зависеть от экономической ситуации в основных странах – партнерах Узбекистана: России и Китае³⁴. Достижению целевых показателей по инфляции в среднесрочной перспективе препятствуют такие факторы, как слабо развитый внутренний финансовый рынок, основными участниками которого являются государственные банки и предприятия с государственным участием, и высокая степень долларизации экономики республики [9, р. 12].

Помимо контроля инфляционных процессов в Узбекистане руководство страны, учитывая высокий уровень безработицы в республике,

³¹ В Узбекистане планируют за пять лет довести до 90% уровень доступа населения к качественной питьевой воде. Отраслевой Портал Watermagazine. <https://watermagazine.ru/novosti/za-rubezhom/26613-v-uzbekistane-planiruyut-za-pyat-let-dovesti-do-90-uroven-dostupa-naseleniya-k-kachestvennoj-pitevoj-vode.html> (дата обращения: 22.02.2022).

³² Пул-Кредит Сиёсати Шарҳи (2022 йилнинг I чорагида шаклланган). https://cbu.uz/upload/iblock/387/Pul_kredit-siyesati-sharhi_-2022-yil-I-chorak_Final_.pdf (дата обращения: 25.01.2023).

³³ Пул-Кредит Сиёсати Шарҳи (2022 йилнинг IV чораги учун). https://cbu.uz/upload/iblock/df2/Pul_kredit-siyesati-sharhi_-2021-yil-IV-chorak.pdf (дата обращения: 25.01.2023).

³⁴ Там же.

уделяет повышенное внимание трудовой миграции своих граждан в другие государства. В 2021 г. безработными числилось 9,6% активной рабочей силы, при том, что 33% населения трудоспособного возраста были неактивны³⁵. Но внутренний рынок Узбекистана недостаточно развит для того, чтобы обеспечить работой нуждающихся в ней граждан республики. Более того, по оценкам Международной организации труда, в период 2010–2018 гг. для роста занятости на 1% экономический рост должен был составлять 5%, что в два раза меньше среднего показателя среди развивающихся государств [5, p. 21].

В период с 2005 по 2021 г., согласно данным ЮНКТАД, денежные переводы в Узбекистан из-за рубежа составляли от 5,4 до 15,1% ВВП. При этом половину полученного в других государствах заработка, как свидетельствует Опрос слушателей Всемирного банка (*англ.* World Bank Listening Survey), граждане республики тратили на приобретение продуктов питания, до трети средств использовали на оплату жилья, остальное – на здравоохранение, сбережение, оплату долгов и иные цели [7, p. 41].

В 2022 г. негативные эффекты от повышения уровня цен в Узбекистане во многом были нивелированы за счет роста денежных переводов граждан этой страны из-за рубежа. Так, к июню общая сумма денежных средств, направляемых из России в Узбекистан, превысила \$2,1 млрд в месяц, при том что за последние два года этот показатель не достигал \$800 млн [10, p. 18]. Для остальных центральноазиатских республик и государств Кавказа объемы совершенных в тот же период переводов также были самыми большими с 2019 г., но составляли всего лишь \$500 млн [10, p.18]. По итогам 2022 г., согласно заявлению Центрального банка Республики Узбекистан, в страну осуществлен перевод из-за рубежа денежных средств в сумме \$16,9 млрд, что более чем в 2 раза превышает показатель прошлого года³⁶. В основном переводы поступали из России, а также из стран, с которыми осуществляется «челночная торговля», прежде всего из Турции и КНР³⁷. При этом доля поступивших денежных средств из нашей страны достигла 85% против 54% годом ранее [10, p. 14].

На увеличение объемов денежных переводов повлияло усиление российской валюты по отношению к американскому доллару и возможность осуществления переводов в российских рублях в условиях

³⁵ Рынок труда. Официальный сайт Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан. <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/labor-market> (дата обращения: 25.01.2023).

³⁶ Объем денежных переводов в Узбекистан за 2022 год составил рекордные \$16,9 млрд. Газета.UZ. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/01/26/transfers/> (дата обращения: 26.01.2023).

³⁷ Там же.

ограниченного доступа к твердой валюте, а также легализация ранее неучтенных каналов для отправки денежных средств [11]. Одновременно нельзя не учитывать влияние введенных российской стороной административных послаблений в отношении граждан Узбекистана. Например, в 2022 г. подписано соглашение о расширении до 15 дней срока пребывания граждан Узбекистана и России на территории обеих стран без регистрации³⁸, а также снято ограничение на количество работников из Узбекистана, которое в рамках организованного набора могут принимать российские предприятия строительной сферы и агропромышленного комплекса (ранее общая квота составляла 11 тыс. человек), и упрощен порядок прохождения медицинского обследования таких работников³⁹.

Трудовая миграция из Узбекистана в Россию на протяжении последних лет оставалась важным каналом сотрудничества двух государств. Согласно данным Росстата, в 2021 г. из почти 10 млн граждан стран, входящих в Содружество Независимых Государств, около 1,5 млн человек прибыло в Россию из Узбекистана. При этом более 1 млн граждан центральноазиатской республики въехало в нашу страну с целью осуществления трудовой деятельности. С данной целью Россию в 2021 г. посетило 2,6 млн чел., практически все из них прибыли из постсоветских государств.

По итогам 2022 г. в Узбекистане отмечено снижение уровня бедности с 17 до 14%⁴⁰. Существенный вклад в этот процесс, наряду с контрциклическими действиями монетарных властей страны и ростом денежных переводов из России, внесли программы адресной помощи гражданам, в том числе программа, реализуемая с 2020 г. правительством Республики Узбекистан совместно с Детским фондом ООН, Международной организацией труда и Программой развития ООН по усилению социальной защиты населения. Программа, в частности, предусматривает создание единого реестра социальной защиты – цифровой платформы для подачи заявлений, назначений и выплат

³⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о порядке пребывания граждан Российской Федерации на территории Республики Узбекистан и граждан Республики Узбекистан на территории Российской Федерации от 17 июня 2021 года (ратифицировано Федеральным законом от 1 мая 2022 года № 118-ФЗ, вступило в силу 4 июня 2022 года). <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206140017> (дата обращения: 26.04.2023).

³⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 10.11.2022 г. № 2035 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 1694». <http://government.ru/docs/all/144130/> (дата обращения: 26.04.2023).

⁴⁰ За год бедность в Узбекистане сократилась с 17 до 14% – совещание. Газета.UZ. <https://www.gazeta.uz/ru/2023/01/26/poverty/> (дата обращения: 26.01.2023).

социальных пособий семьям с низким уровнем дохода⁴¹. Между тем, как отмечают эксперты МВФ, бюджетные затраты на искоренение нищеты в Узбекистане по-прежнему невелики: на поддержку граждан, живущих менее чем на \$3,65 в день, в Узбекистане тратится около 1,3% ВВП страны [7, р. 43].

Сотрудничество России с Узбекистаном в сфере трудовой миграции помогает республике снизить уровень бедности, но в случае реализации негативного сценария развития российской экономики по этому каналу экономике республики также будут передаваться и шоки. Поэтому этот канал является наиболее значимым. Еще одним важным каналом передачи шоков является торговый, так как в условиях повышения мировых цен на продовольствие и энергоресурсы наблюдается давление на уровень цен внутри Узбекистана. Влияние России на макроэкономические показатели центральноазиатской республики в этой части во многом определяется возможностью нашей страны оказывать воздействие на мировые товарно-сырьевые рынки.

Перспективы экономического роста России и Узбекистана и основные риски двустороннего сотрудничества

Несмотря на достаточно большое количество исследований, посвященных последствиям санкционного давления на государства, единого мнения относительно эффективности применения санкций, определяемой с точки зрения экономических потерь, до настоящего времени в научной литературе не сформировалось. Первый комплексный анализ результативности санкционной политики был проведен Г. Хуфбауэром и др. [12], которые обнаружили, что санкции удавались в 34% случаев. Впоследствии Р. Пейп [13], применяя ту же методику подсчета, заключил, что показатель успеха ниже примерно на 5%. К схожим выводам о малой результативности санкций по прошествии десятилетия пришел и Д.М. Роу [14]. При изучении влияния санкций на отдельные страны выводы ученых расходились. Так, Дж. Ян и др. [15] показали, что избирательные санкции Соединенных Штатов против Китая не оказали «существенного негативного воздействия» на экономику Поднебесной, тогда как О. Гареггзли [16] на основании проведенных им расчетов заключил, что введенные санкции против Ирана сократили ВВП этой страны в 2011–2014 гг. на 17%.

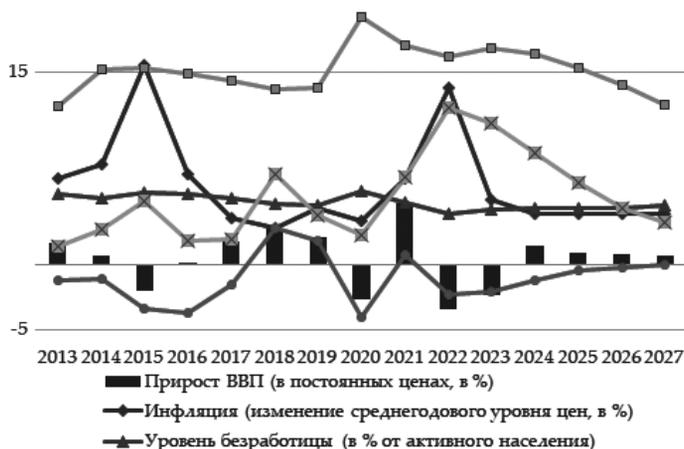
⁴¹ Борьба с бедностью в Узбекистане: новые решения и перспективы. Официальный сайт Группы ООН по устойчивому развитию. <https://unsdg.un.org/ru/latest/stories/borba-s-bednostyu-v-uzbekistane-novye-resheniya-i-perspektivy> (дата обращения: 17.10.2022).

По мнению таких ученых, как И. Нооруддин [17], санкционное давление лучше работает на стадии угрозы, чем на стадии навязывания. Т.К. Морган и В. Швехах [18] считают, что санкции приводят к ожидаемому результату в случае, если для страны, против которой они введены, спорный вопрос не имеет большого значения. Д.У. Дрезнер [19] обратил внимание на то, что значимым фактором для эффективности санкционной политики является ее одобрение международными организациями, а С.Х. Аллен [20] считает имеющим первостепенное значение для результативности санкций демократическое устройство подпавшего под санкции государства.

В недавних работах зарубежных ученых отмечалось, что страны, против которых вводили санкции, имеют возможности защититься от негативного эффекта внешнего давления, найдя альтернативных торговых партнеров, мотивированных к сотрудничеству с подсанкционным государством политическими или экономическими связями [21], прибегнуть к внутреннему или международному финансированию [22; 23] или нарастить свою деятельность на внутреннем и международном черном рынке [24]. Исследования долгосрочных последствий санкций свидетельствуют, что в странах, подпавших под санкции, усиливался протекционизм [25], в среднесрочной перспективе в таких странах отмечалось сокращение объема экспорта товаров из-за возникновения дополнительных логистических издержек [26, р. 450] наряду со снижением стоимости экспортируемых товаров [27, р. 572]. Закупка произведенных за рубежом товаров осуществлялась через третьи государства или импортировалась продукция более низкого качества [28, р. 32]. Перечисленные эффекты наблюдались во внешнеторговом секторе экономики Российской Федерации в 2022 г. и, по-видимому, будут проявляться в дальнейшем.

Между тем в краткосрочной перспективе экономика России оказалась устойчивой к санкционному давлению. По прогнозам МВФ, при росте российского ВВП в среднем на 1% в период с 2024 по 2027 г. сальдо счета текущих операций может стать положительным и снизится уровень государственного долга (см. рис. 5). Это явится результатом ограничения доступа России к международному рынку капитала, резкого падения возможностей заимствования как на данном рынке, так и у международных финансовых организаций.

Вместе с тем нельзя исключать тот факт, что в среднесрочной перспективе с большой вероятностью факторы, которые обеспечили импульс росту российской экономики в 2022 г., ослабнут. В частности, негативные эффекты санкционного давления развитых стран на Россию в прошлом году удавалось нивелировать за счет ранее накопленных правительством Российской Федерации резервов. Как выяснили О. Пак и Г.Л. Кретцшмар, в середине 2010-х годов введенные санкции

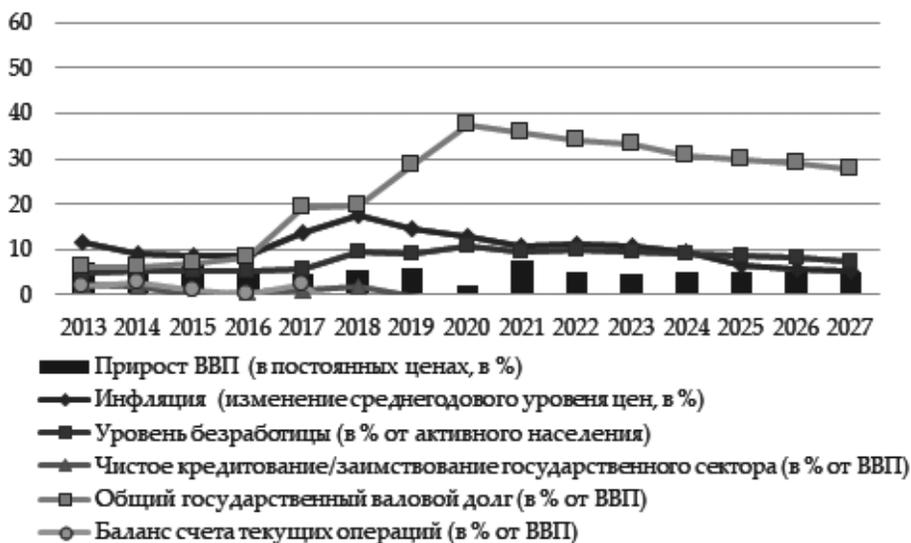
Рассчитано автором по: данные МВФ. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database (October 2022 Edition). <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/October> (дата обращения: 15.03.2023).

Рис. 5. Основные макроэкономические показатели России на период 2013–2021 гг. и прогноз их изменения в период до 2027 г.

в виде ограничения доступа ряда российских компаний к мировому рынку капитала вынудили руководство нашей страны изыскивать ресурсы для замещения иностранных кредитных ресурсов государственным финансированием [29, р. 577], а Д.П. Ан и Р.Д. Людема отмечали, что также применялись иные способы защиты стратегически значимых российских компаний [30]. Как утверждает Т. Пала, типичной трудностью анализа эффективности экономических санкций является минимально доступная прозрачность как в части фактических расходов сторон, так и в части учета других факторов, таких как вооруженное насилие, этническое или социальное давление и т. д. [31, р. 243]. В этих условиях прогнозировать динамику экономических показателей страны, находящейся под санкциями, в средне- и долгосрочной перспективе довольно сложно.

В настоящее время отсутствуют свидетельства того, что Узбекистан и зарегистрированные в его юрисдикции компании активно содействуют России в обходе санкций. Более того, как посчитали эксперты Европейского банка реконструкции и развития М. Чупилкин и др. [32], потенциал постсоветских государств в данном вопросе ограничен. Но не стоит исключать возможности, что, по мере ухудшения экономической ситуации в России и в случае отсутствия жесткого контроля со стороны США и ЕС за имплементацией ограничений в отношении нашей страны третьими странами, руководство Узбекистана будет заинтересовано в углублении сотрудничества с Россией для сохранения стабильного экономического роста в республике.

По прогнозам МВФ, прирост ВВП Узбекистана в ближайшие годы составит 4,7–5% и будет сопровождаться отрицательным сальдо счета текущих операций, балансировать который придется за путем привлечения государственных заимствований. Уровень государственного долга хотя и упадет к 2027 г. до 27,7% ВВП, но останется выше показателей до 2016 г. включительно (см. рис. 6). Это оставляет правительству Республики Узбекистан мало возможностей для маневра, особенно в условиях ужесточения условий заимствования на внешних финансовых рынках из-за повышения центральными банками развитых стран процентных ставок, а также по причине того, что государственный долг Узбекистана преимущественно номинирован в иностранной валюте, и в случае существенной девальвации узбекской суммы порог в 50–55% ВВП будет быстро преодолен. Это приведет, по словам О. Хакимова, к проявлению в экономике Узбекистана негативных эффектов от наращивания государственных заимствований⁴².

Рассчитано автором по: данные МВФ. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database (October 2022 Edition). <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/October> (дата обращения: 15.03.2023).

Рис. 6. Основные макроэкономические показатели Узбекистана на период 2013–2021 гг. и прогноз их изменения до 2027 г.

⁴² Глава ЦЭИР высказал своё мнение по ключевым реформам, связанным с экономикой Узбекистана (беседовал И. Сафаров; перевод: В. Султанов, А. Ткачёва). Официальный сайт Центра экономических исследований и реформ. <https://ceir.uz/uz/news/topics/glava-ceir-vyskazal-svoe-mnenie-po-klucevyim-reformam-svazannym-s-ekonomikoj-uzbekistana> (дата обращения: 18.06.2020).

Эксперты МВФ оценивают риск возникновения проблем с внешним долгом Узбекистана как низкий, а реальный обменный курс республиканской валюты характеризуют как соответствующий фундаментальным показателям [33, р. 9]. Однако в анализе МВФ отсутствует расчет потенциального влияния природных катастроф на внешний долг Узбекистана. Исходя из недавнего опыта Пакистана и Турции, вынужденных изыскивать свободные денежные средства на ликвидацию последствий масштабных стихийных бедствий, правительству Республики Узбекистан необходимо иметь ресурсы для осуществления незапланированных расходов. В этой связи следует отметить, что Узбекистан подвержен землетрясениям, засухе, наводнениям, селевым потокам и оползням. По расчетам экспертов, среднегодовой ущерб от землетрясений в Узбекистане составляет более \$214 млн [34, р. 8], а от наводнений – \$395,6 млн в год [34, р. 9]. По расчетам Азиатского банка развития, Узбекистан входит в число 14 государств с относительно высоким уровнем экономического риска от множественных опасностей, где более половины населения проживает в зоне риска [35, р. 8]. Основные проблемы Узбекистана заключаются в том, что финансовые инструменты, доступные экономическим агентам в Узбекистане, не покрывают большую часть (до 84%) рисков, связанных со стихийными бедствиями [34, р. 45–46].

В результате этого, несмотря на запланированное руководством Узбекистана снижение уровня бедности в стране вдвое⁴³, имеющиеся риски негативного влияния внешней среды на экономическое развитие республики в случае их реализации потребуют дополнительных государственных инвестиций в экономику и иного вмешательства государства в работу экономических механизмов. Ученые из Узбекистана наряду с экспертами международных организаций настаивают на проведении структурных реформ в экономике. Так, директор Центра экономического развития Ю. Юсупов считает необходимым принятие мер по разгосударствлению экономики и созданию конкурентных рынков на основе инклюзивных институтов [36]. Однако проведение подобных реформ, как показывает опыт постсоветских стран, является наиболее сложным, особенно в период нарастания нестабильности на мировых финансовых рынках и повышения геополитической напряженности.

⁴³ Целевые показатели Стратегии социальной защиты населения Республики Узбекистан (Приложение № 2 к Указу Президента Республики Узбекистан от 25 июля 2022 года № УП-175 «Об утверждении Стратегии социальной защиты населения Республики Узбекистан». <https://lex.uz/ru/docs/6130271> (дата обращения: 31.05.2023).

* * *

Масштабы торгово-инвестиционного сотрудничества двух стран были существенными для Узбекистана, тогда как для нашей страны объемы торговли с центральноазиатской республикой и вложения в ее экономику оставались относительно небольшими. Помимо внешней торговли и инвестиционных потоков зависимость Узбекистана от России наблюдается в сфере трудовой миграции. Вследствие описанной асимметричности во взаимодействии двух государств в экономической сфере сформировались односторонние каналы влияния экономического развития нашей страны на макроэкономические показатели Узбекистана. В последние годы ввиду роста объемов двустороннего сотрудничества это влияние усилилось. Более того, поскольку вопреки негативным прогнозам международных организаций усиление санкционного давления в краткосрочной перспективе не подорвало устойчивость российской экономики и не привело к существенным экономическим последствиям для Узбекистана, торгово-инвестиционное сотрудничество России с центральноазиатской республикой после определенных корректировок продолжило развиваться по сформировавшимся ранее трендам.

В результате за прошедший год руководству Узбекистана удалось продвинуться в решении одной из важнейших на текущем этапе проблем экономики - снизить уровень бедности в стране. Опираясь на опыт государств, испытывающих санкционное давление со стороны внешних акторов в вопросах проведения внешнеэкономической политики, можно предположить реализацию одного из двух сценариев развития двустороннего взаимодействия Узбекистана с Россией. Первый из них предполагает усиление торгово-инвестиционных связей и сотрудничества в области трудовой миграции при большой вероятности перехода экономических отношений в теневую сферу. При реализации второго сценария руководство Узбекистана в среднесрочной перспективе переориентирует торговые и миграционные потоки на другие направления, а в долгосрочной перспективе – расширит внутренние рынки, обеспечивая большую занятость трудоспособного населения. Указанные меры помогут сгладить асимметрию во взаимозависимости России и Узбекистана, что положительно скажется на экономическом развитии центральноазиатской республики, но при этом может ограничить ее сотрудничество с нашей страной. Стоит отметить, что второй сценарий является довольно затратным для Узбекистана, так как предусматривает проведение структурных преобразований экономики центральноазиатской страны. Поэтому его реализация станет возможной только в случае создания государствами, вводившими санкции в отношении России, необходимых стимулов для Узбекистана, а также при предоставлении стране достаточных финансовых ресурсов для проведения преобразований ее экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романчук Е. Особенности российской помощи развитию стран Центральной Азии // Общество и экономика. 2022. № 5. С. 88–106. DOI 10.31857/S020736760020123-4.
2. OECD. Weathering Economic Storms in Central Asia: Initial Impacts of the War in Ukraine. Paris: OECD, 2022. https://www.oecd-ilibrary.org/sites/83348924-en/1/3/1/index.html?itemId=/content/publication/83348924-en&_csp_а=2b72232074727af72d9c05b36f3028c&itemIGO=oecd&itemContentType=book (дата обращения: 31.05.2023).
3. Михеенка А. Без гарантий. Business Guide Компании (Издание «Коммерсант»). Приложение № 7 от 29.09.2022.
4. Сафронова А. Суд лишил «Вимм-Билль-Данн» бизнеса в Узбекистане. RB.RU. <https://rb.ru/article/sud-lishil-vimm-bill-dann-biznesa-v-uzbekistane/6538247.html> (дата обращения: 21.09.2010).
5. World Bank. Toward a Prosperous and Inclusive Future: The Second Systematic Country Diagnostic for Uzbekistan. Washington D.C.: World Bank, 2022.
6. Хамидов Б. Профиль бедности в Узбекистане. Сайт Центра экономических исследований и реформ. <https://www.cer.uz/en/post/publication/profil-bednosti-v-uzbekistane#:~:text=По%20оценкам%20Госкомстата%20Республики%20Узбекистан,черте%20бедности%205%2C5%20долл> (дата обращения: 31.05.2023).
7. International Monetary Fund. Regional economic outlook. Middle East and Central Asia: Mounting challenges, decisive times. Washington, DC: International Monetary Fund, 2022.
8. United Nations Development Program. Addressing the Cost-Of-Living Crisis in Developing Countries: Poverty and vulnerability projections and policy responses. New York: United Nations High-Level Political Forum on Sustainable Development (HLPF), 2022.
9. Al Rasasi M., Cabezon E. Uzbekistan: Transition to Inflation Targeting. Washington D.C.: IMF (working paper № WP/22/229), 2022.
10. World Bank, KNOMAD. Remittances Brave Global Headwinds (Special Focus: Climate Migration). Migration and Development Brief 37, November 2022. https://enterprise.press/wp-content/uploads/2022/12/migration_and_development_brief_37_nov_2022.pdf (дата обращения: 31.05.2023).
11. Нурмуратов М. Глава ЦБ — о причинах рекордного роста денежных переводов в Узбекистан. Газета.UZ. 21.07.2022. <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/21/transfers/>.
12. Hufbauer G., Schott J., Elliott K. Economic Sanctions Reconsidered, 2nd edn. Washington: Institute for International Economics, 1990.
13. Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. 1997. Vol. 22 (1). Pp. 90–136.
14. Rowe D. M. Economic Sanctions and International Security. / In The International Studies Encyclopedia. Blackwell Publishing, Blackwell Reference Online, 2010.
15. Yang J., Askari H., Forrer J., Teegen H. US Economic Sanctions against China: Who Gets Hurt? // World Economy. 2004. Vol. 27 (7). Pp. 1047–1081.
16. Gharehgozli O. An Estimation of the Economic Cost of Recent Sanctions on Iran Using the Synthetic Control Method // Economics Letters. 2007. Vol. 157. Pp. 141–144.
17. Nooruddin I. Modeling Selection Bias in Studies of Sanctions Efficacy // International Interactions. 2002. Vol. 28 (1). Pp. 59–75.

18. *Morgan T. C., Schwebach V.* Fools Suffer Gladly: The Use of Economic Sanctions in International Crises // *International Studies Quarterly*. 1997. Vol. 41. Pp. 27–50.
19. *Drezner D. W.* The Hidden Hand of Economic Coercion // *International Organization*. 2003. Vol. 57 (Summer). Pp. 643–659.
20. *Allen S. H.* The Determinants of Economic Sanctions Success and Failure // *International Interactions*. 2005. Vol. 31 (2). Pp. 117–138.
21. *McLean E. V., Whang, T.* Economic sanctions and government spending adjustments: The case of disaster preparedness // *British Journal of Political Science*. 2019. Vol. 51(1). Pp. 394–411.
22. *Cilizoglu, M., Bapat N. A.* Economic coercion and the problem of sanctions-proofing // *Conflict Management and Peace Science*. 2020. Vol. 37(4). Pp. 385–408.
23. *Dom R., Roger, L.* Debt or alive: Burundi's fiscal response to economic sanctions // *International Studies Quarterly*. 2020. Vol. 64(2). Pp. 369–379.
24. *Feaver P., Lorber E.* Coercive Diplomacy and the New Financial Levers: Evaluating the Intended and Unintended Consequences of Financial Sanctions (August 19, 2010). https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1661963 (дата обращения: 31.05.2023).
25. *Pond A.* Economic Sanctions and Demand for Protection // *Journal of Conflict Resolution*. 2015. Vol. 61 (5). Pp. 1073–94. doi: 10.1177/0022002715596777.
26. *van Bergeijk P. A.G.* The Impact of Economic Sanctions in the 1990s // *The World Economy*. 1995. Vol. 18 (3). Pp. 443–455.
27. *Evenett S.J.* The Impact of Economic Sanctions on South African Exports // *Scottish Journal of Political Economy*. 2002. Vol. 49 (5). Pp. 557–573.
28. *Amuzegar J.* Adjusting to Sanctions // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76 (3). Pp. 31–41.
29. *Pak O., Kretzschmar G. L.* Western Sanctions: Only Half the Challenge to Russia's Economic Union. // *Research in International Business and Finance*. 2016. Vol. 38. Pp. 577–592.
30. *Ahn D. P., Ludema R. D.* The sword and the shield: The economics of targeted sanctions // *European Economic Review*. 2020. Vol. 130. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0014292120302178>.
31. *Pala T.* The Effectiveness of Economic Sanctions: A Literature Review // *NISPAce Journal of Public Administration and Policy*. 2021. Vol. 14 (1). Pp. 239–259. DOI: 10.2478/nispa-2021-0009.
32. *Chupilkin M., Javorcik B., Plekhanov A.* The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia. *European Bank for Reconstruction and Development (WP 276)*, 2022.
33. *International Monetary Fund.* Republic of Uzbekistan: 2022 Article IV Consultation— Press Release; Staff Report; And Statement by the Executive Director for the Republic of Uzbekistan. Washington D.C.: IMF (Country Report No. 22/189), 2022.
34. *Country Risk Profile: Uzbekistan (TA-9878 REG: Developing a Disaster Risk Transfer Facility in the Central Asia Regional Economic Cooperation Region)*. Manila: CAREC Program, 2022.
35. *The Rise of Natural Disasters in Asia and the Pacific: Learning from ADB's Experience*. Manila: Asian Development Bank (Independent Evaluation), 2013.
36. *Юсупов Ю.* Как сократить бедность в Узбекистане? Hook.report. https://hook.report/2021/10/bednost/?fbclid=IwAR1jsEs2rBzCEbTcPFzhXD6Y9pkfuygJpJvUOH2_l2wkaRh3E4E0WqLpucg. (дата обращения: 19.10.2021).

REFERENCES

1. *Romanchuk E.* Features of Russian assistance to the development of Central Asian countries // *Society and Economics*. 2022. No. 5. Pp. 88–106. DOI 10.31857/S020736760020123-4. (In Russ.).
2. OECD. *Weathering Economic Storms in Central Asia: Initial Impacts of the War in Ukraine*. Paris: OECD, 2022. https://www.oecd-ilibrary.org/sites/83348924-en/1/3/1/index.html?itemId=/content/publication/83348924-en&_csp_=a2b72232074727af72d9c05b36f3028c&itemIGO=oeed&itemContentType=book.
3. *Mikheenka A.* Without guarantees. The Company's Business Guide (Kommersant Edition). Appendix No. 7 dated 09/29/2022. (In Russ.).
4. *Safronova A.* The court deprived Wimm-Bill-Dann of business in Uzbekistan. RB.RU. 21.09.2010. <https://rb.ru/article/sud-lishil-vimm-bill-dann-biznesa-v-uzbekistane/6538247.html>. (In Russ.).
5. World Bank. *Toward a Prosperous and Inclusive Future: The Second Systematic Country Diagnostic for Uzbekistan*. Washington D.C.: World Bank, 2022.
6. *Khamidov B.* Poverty profile in Uzbekistan. Website of the Center for Economic Research and Reforms. <https://www.cer.uz/en/post/publication/profil-bednosti-v-uzbekistane#:~:text=By%20estimates%20GOSKOMSTAT%20Republics%20Uzbekistan,line%20poverty%205%2C5%20doll>. (In Russ.).
7. International Monetary Fund. *Regional economic outlook. Middle East and Central Asia: Mounting challenges, decisive times*. Washington, DC: International Monetary Fund, 2022.
8. United Nations Development Program. *Addressing the Cost-Of-Living Crisis in Developing Countries: Poverty and vulnerability projections and policy responses*. New York: United Nations High-Level Political Forum on Sustainable Development (HLPF), 2022.
9. *Al Rasasi M., Kabeson E.* Uzbekistan: Transition to inflation targeting. Washington, DC: IMF (Working Paper No. WP/22/229), 2022.
10. World Bank, KNOMAD. *Remittances overcome global obstacles (Special attention: Migration due to climate change). Summary Report on Migration and Development No. 37, November 2022*. https://enterprise.press/wp-content/uploads/2022/12/migration_and_development_brief_37_nov_2022.pdf.
11. *Nurmuratov M.* Head of the Central Bank — about the reasons for the record growth of remittances to Uzbekistan. Newspaper.UZ. 21.07.2022. <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/21/transfers/>. (In Russ.).
12. *Hufbauer G., Schott J., Elliott K.* *Economic Sanctions Reconsidered*, 2nd edn. Washington: Institute for International Economics, 1990.
13. *Pape R.* Why Economic Sanctions Do Not Work // *International Security*. 1997. Vol. 22 (1). Pp. 90–136.
14. *Rowe D. M.* Economic Sanctions and International Security. / In *The International Studies Encyclopedia*. Blackwell Publishing, Blackwell Reference Online, 2010.
15. *Yang J., Askari H., Forrer J., Teegen H.* US Economic Sanctions against China: Who Gets Hurt? // *World Economy*. 2004. Vol. 27 (7). Pp. 1047–1081.
16. *Gharehgozli O.* An Estimation of the Economic Cost of Recent Sanctions on Iran Using the Synthetic Control Method // *Economics Letters*. 2007. Vol. 157. Pp. 141–144.
17. *Nooruddin I.* Modeling Selection Bias in Studies of Sanctions Efficacy // *International Interactions*. 2002. Vol. 28 (1). Pp. 59–75.

18. *Morgan T.C., Schwebach V.* Fools Suffer Gladly: The Use of Economic Sanctions in International Crises // *International Studies Quarterly*. 1997. Vol. 41. Pp. 27–50.
19. *Drezner D. W.* The Hidden Hand of Economic Coercion // *International Organization*. 2003. Vol. 57 (Summer). Pp. 643–659.
20. *Allen S.H.* The Determinants of Economic Sanctions Success and Failure // *International Interactions*. 2005. Vol. 31 (2). Pp. 117–138.
21. *McLean E. V., Whang T.* Economic sanctions and government spending adjustments: The case of disaster preparedness // *British Journal of Political Science*. 2019. Vol. 51(1). Pp. 394–411.
22. *Cilizoglu M., Bapat N. A.* Economic coercion and the problem of sanctions-proofing // *Conflict Management and Peace Science*. 2020. Vol. 37(4). Pp. 385–408.
23. *Dom R., Roger L.* Debt or alive: Burundi's fiscal response to economic sanctions // *International Studies Quarterly*. 2020. Vol. 64(2). Pp. 369–379.
24. *Feaver P., Lorber E.* Coercive Diplomacy and the New Financial Levers: Evaluating the Intended and Unintended Consequences of Financial Sanctions (August 19, 2010). https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1661963.
25. *Pond A.* Economic Sanctions and Demand for Protection // *Journal of Conflict Resolution*. 2015. Vol. 61 (5). Pp. 1073–94. doi: 10.1177/0022002715596777.
26. *van Bergeijk P.A.G.* The Impact of Economic Sanctions in the 1990s // *The World Economy*. 1995. Vol. 18 (3). Pp. 443–455.
27. *Evenett S.J.* The Impact of Economic Sanctions on South African Exports // *Scottish Journal of Political Economy*. 2002. Vol. 49 (5). Pp. 557–573.
28. *Amuzegar J.* Adjusting to Sanctions // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76 (3). Pp. 31–41.
29. *Pak O., Kretzschmar G. L.* Western Sanctions: Only Half the Challenge to Russia's Economic Union. // *Research in International Business and Finance*. 2016. Vol. 38. Pp. 577–592.
30. *Ahn D. P., Ludema R. D.* The sword and the shield: The economics of targeted sanctions // *European Economic Review*. 2020. Vol. 130. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0014292120302178>.
31. *Pala T.* The Effectiveness of Economic Sanctions: A Literature Review // *NISPAce Journal of Public Administration and Policy*. 2021. Vol. 14 (1). Pp. 239–259. DOI: 10.2478/nispa-2021-0009.
32. *Chupilkin M., Javorcik B., Plekhanov A.* The Eurasian roundabout: Trade flows into Russia through the Caucasus and Central Asia. *European Bank for Reconstruction and Development (WP 276)*, 2022.
33. *International Monetary Fund.* Republic of Uzbekistan: 2022 Article IV Consultation—Press Release; Staff Report; And Statement by the Executive Director for the Republic of Uzbekistan. Washington D.C.: IMF (Country Report No. 22/189), 2022.
34. *Country Risk Profile: Uzbekistan (TA-9878 REG: Developing a Disaster Risk Transfer Facility in the Central Asia Regional Economic Cooperation Region)*. Manila: CAREC Program, 2022.
35. *The Rise of Natural Disasters in Asia and the Pacific: Learning from ADB's Experience*. Manila: Asian Development Bank (Independent Evaluation), 2013.
36. *Yusupov Yu.* How to reduce poverty in Uzbekistan? Hook.report. 19.10.2021. https://hook.report/2021/10/bednost/?fbclid=IwAR1jsEs2rBzCEbTcPFzhXD6Y9pkfuygJpJvUOH2_l2wkaRh3E4E0WqLpucg. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 26.02.2023 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романчук Екатерина Сергеевна – аспирант, младший научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук, Москва, Россия
kate.romanchuk@ya.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Romanchuk – postgraduate student, junior researcher at the Institute
of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kate.romanchuk@ya.ru

TRENDS AND RISKS OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA
AND UZBEKISTAN IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL TENSIONS

Based on the analysis of Russia's foreign economic relations with Uzbekistan, the study reveals an asymmetry in economic cooperation between the two states, manifested in the great dependence of the Central Asian republic on Russia, especially in overcoming poverty problems and reducing pressure on the domestic labor market. With this in mind, the author assessed the impact of increasing geopolitical tensions on the dynamics of bilateral cooperation between Russia and Uzbekistan, as well as the possible consequences of sanctions pressure on the former for the economy of the latter.

Keywords: *Uzbekistan, trade and investment cooperation, sanctions, unemployment rate.*

JEL: F14, F16, F21, F22, F24.